

ТОР РЕГНАРЕК

Москва я не люблю Тебя

Повести Белкина II

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ТОР РЕГНАРЕК

Москва, я не люблю Тебя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57284528

SelfPub; 2020

Аннотация

Книга где лирический герой в силу обстоятельств непреодолимой силы пересекает Садовое кольцо встречается с Елисеевским, Кремлем, старым и новым Арбатами, и наконец вступает в "Союз писателей". Содержит нецензурную брань.

– Я хочу тебе одно сказать, если ты когда-нибудь прославишься в литературном смысле, я буду очень, очень рада за тебя!

– И я буду очень рад и за тебя, и за себя!

– Но ты ничего давно не пишешь!

– Я аккумулирую.

– Я надеюсь, что ты аккумулируешь, но ты стал каким-то ограниченным, раньше ты шутил, писал про Аляску и хрустальный мост, цитировал Веничку, в конце концов! Я не говорю, что мне скучно с тобой! Просто мы скучно проводим время. – При этом, видимо, чтобы меня развлечь, она резко вырулила направо на Садовое, к всеобщей радости участников большого кругового движения, которые просалютовали ее длинной алюминиевой бэхе из всех имеющихся светошумовых приборов.

Внутренности тряхануло, как в мешке картошки, пристегнутом к запорожцу ремнем безопасности, на совхозном ухабе.

– Машаня, следи за дорогой!

– А вообще ты давно начал писать?

– В школе, тогда началось британское нашествие – Чейз, Алистер Маклин, Ян Железный, Сара о Коннор, Бешеный, Банда-3, и когда я прочитал переводной рассказ о бандах Нью-Йорка, где одни мужчины любили женщин традиционно, а другие анально...

– Ты начал писать про говно, а эта тема очень ограничена!

– Да, я давно ничего не писал.

– Что, исписался?

– Нет, материалы коплю.

– А с чего ты взял, что это твое?

– Так вот, когда я прочел про этих аналоловеров в 15 лет, меня немного удивило, насколько все просто, но тогда ко мне на помощь пришел журнал «Биологические науки» №4 за 1994 год, где оценивалось поведение бонобов.

– Поведение оценивалось? Они че, были в начальной школе, бобы эти?

– Какао-бобы – это деревья в Бразилии, где много диких обезьян, бонобы – это человекообразные обезьяны, которые затрахиывают стресс, а не заедают!

– Затрахиывают! Они не образны, они человечны. Если человек тебя затрахал, значит, у него проблемы, в этом нет ничего нового, кстати, вот «Елисейский».

– Тормозни!

– Зачем?

– Говорю тормозни, хочу достичь какой-нибудь пустячной бездны с девушкой, пока можно до 11.

Она остановилась так же лихо, как вырулила на Садовое. Я вышел.

– Я буду кружить здесь, звони!

Я захлопнул дверцу, не могу же я пересечь Садовое кольцо, ничего не выпив, а это дурацкое правило не пить до 18.00, а я ведь молод, как в песне поется, мне всего 37, а

кроме кризиса полусреднего возраста, ничего не нажил. Я зашел в «Елисейский», да, дом-музей, и быстро нашел алкоотдел, надо что-то быстро принять, Майк Науменко выписывал шкалу «рубль – градус», конечно, срисовал у Венички, но кто у него не срисовывает, однако как просто все было в советское время, каждый школьник знал, почем сухое в Поломасах, даже я знал, сколько стоит поталонная водка «Русская» с голым мужиком на этикетке. Как потом мне принался второй муж моей первой жены, который ушел от нее к мужику, его первый гомосексуальный опыт был после стакана русской, он рассмотрел, как прекрасен аполлон на этикетке, затягиваясь «Союз-аполлоном», да, у нас на уме один гомосексуализм, это и есть любить по-русски. Вот и витрина, да, в совке все было просто, шкала «рубль – градус» имеет смысл, когда на обеих осях константы, а нам, узникам 21-го века, приходится выводить эту шкалу в каждом отдельном отделе, высоко неся внутри соотношение цена-качество относительно ежемесячного дохода и соотносясь с принципом наименьшего вреда здоровью. В «Елисейском» задача была очень сложной, поскольку качество было обычным, а соотношение высоким, надо че-нить ухнуть, чтоб пахло меньше, хотя, когда Маша не пьет, унюхивает все за километр. Сидр – слабо, Абрау – воняет дрожжами, коньяк – жарко, вино – нужен штопор.

Зазвонил телефон.

– Милый, ты не возражаешь, если я зайду к травнику? Раз

я все равно здесь в переулках?

– Да, любимая, если ты в переулках, конечно, зайди к травнику, только не забудь на мою долю! И запомни, мои сильные доли – вторая и четвертая!

– Федя, я серьезно. Это недолго, а ты можешь пока зайти в музей Булгакова, а я туда приду, ок?

Случай всегда приходит на помощь стремящейся натуре.

– Конечно, любимая! 21-й век, созвонимся.

Самогон из ректификата, полугар дорогой, виски с колером.

Зазвонил телефон.

– Ты в деревне?

– Нет, в Москве.

– Жаль, я самогон такой сейчас выгоню, ну ладно, оставлю, если будешь хорошо вести!

– Не обещаю.

– Ладно, пока, все стынет.

Вот оно, единство противоположностей в действии, этот принцип я понял давно. Когда еще смотрел телевизор, если по СТС показывают «Люди в черном», значит, по Культуре – «Кин-дза-дза».

Наконец нашел армянский самогон по кличке коньяк №7, противный и не пахнет, скорей на свободу, я вышел на улицу, снаружи «Елисейевский» не впечатлял, его облепили народы Средней Азии в надежде на новую жизнь, навигатор показывал, что я на Тверской. Я открыл самогон и начал пить

из горлышка, в строительном лесу на Тверской стало уютно, работяги весело работали, к 30 годам надо решить все проблемы, кроме творческих, а мне уже 37, и каждый год проблемы множатся, как годовые кольца, может, правда, писать – это не мое, тогда Маша бросит меня, ну это, допустим, к лучшему, если к другому уходит Мария. Любая женщина – это компромисс, в лучшем случае компромиссис.

Когда ничего не можешь сделать в ворде, начинаешь критиковать существующий строй, я отхлебнул еще, но об этом Машаня и говорит. Впрочем, че слушать миссис Марию, мы используем друг друга, чтоб заполнить пустые места, и я еще отхлебнул, может, я не так и мало добился. Вспомни, когда ты пел в общаге «возьми меня к реке» под воздействием самогона, в компании хиппарей, потому что хипстеров тогда не было. Что у тебя было? А сейчас я живу у реки, видел Гребенщикова и пил «Клинское» с Яном Андерсоном. Раньше песни, конечно, были круче, но и я, в принципе, крут, знаю, кто такие Джо Кокер и Джонни Уокер.

Познакомился с Машаней в Барселоне на Рамбле, перекинулись парой слов, а когда с бутылкой кавы в руке я увидел ее у фамильносоградного палисадника, мы оказались старыми знакомыми, и она с радостью отхлебнула треть бутылки. Но стремительно исчезла с внезапно появившимся смуглым средиземноморцем с папиросой в руке.

В самолете она предложила сразу:

– Граппу будешь?

Почему она удивляется, что я алкоголик и бабник, я же не удивляюсь травнику и не задаю лишних вопросов, почему не травница?

Еще отхлебнул и настроил навигатор, до музея Булгакова 15 минут пешей прогулки, почему нет, я пьян и одинок, и еще отхлебнул.

Я шел быстро, Тверская мне нравится, я люблю Москву, почему же мне нравится Москва? И еще отхлебнул. Потому Москва, навстречу шикарная женщина, под 50, но шикарная, такой разрез на платье, такой вырез на платье, на маленьком черном платье, и она шла одна с таким надменным лицом, будто вступить с ней в... долг любого честного налогоплательщика, нет, надеть черное платье к маленьким сиськам большого ума не надо, вот надеть белое платье к большим сиськам – совсем другое дело.

Вот почему мне нравится Москва, навстречу дама в белом платье с большими сиськами, Мария мне сказала, что секс здесь на каждом углу, и я ей поверил, при чем здесь Мария, она же у травника, запиликал телефон, СМС:

«Федя, в городе страстей и пороков не знакомься на улице и в ресторанах, не выпивай с посторонними и не давай им свой телефон, береги себя, я скоро приеду, покажу глобус».

Так всегда, в глобусе 40-летний односолодовый, почему она всегда чувствует и держит меня на коротком поводке, 40-летний односолодовый из Шетлендских островов, после

семилетнего армянского?

Я еще хлебнул для смелости.

Нет, Мария, я имею право любить Москву, а любить Москву – это не любить по-русски, никакого гомосексуализма. Надо проверить тезис про секс на каждом углу, говорят, девчонкам нравятся врачи, прекрасно, надо поиграть в доктора. Вот она идет, достойная доктора, на каблуках, мини-юбка-макси-пояс, задастенькая, миниатюрненькая, как вышагивает, как курсанты на плацу, как старательно виляет бедрами, как будто курсант-первокурсник отдает честь, но эта уже отдала честь, какое достоинство у нее спереди?

Нельзя затягивать с маневром обгон, слишком долгое преследование говорит о трусости, я отхлебнул, все, выравниваюсь и спрашиваю дорогу к Булгакову.

– Добрый день, журнал «Ом» хочет задать вопрос!

Сиськи тройка с бубенцами, лицо симпатичное, чуть за 30, это хорошо, потому что, как говорил старина Бук восемнадцатилетним микроцыпкам, – чтобы с женщиной было интересно, ей должно быть хотя бы 30 лет.

– Что Гном хочет задать? – Она улыбнулась, мы шли боками, она была чуть выше моего плеча, улыбка чертовски привлекательна.

– Гном, этот грязный извращенец, хочет задать жару! А я Ом!

– Вы что, ученый?

– Да, очень, – я тряхнул гривой. – Сила тока в проводнике

прямо пропорциональна напряжению на концах проводника и обратно пропорциональна его сопротивлению.

– Потрясающе, че пьешь?

Я достал армянский самогон и протянул ей, она хлебнула из горлышка, запрокинув голову, как Богиня.

Она довольно улыбнулась.

– Я тоже ученая.

– Количество членов женщины прямо пропорционально длине юбки по отношению к длине каблука и обратно пропорционально площади декольте, деленному на его объем.

– Чему? Чему?

– туда, обратно. Все одинаково. – И она еще отхлебнула из горлышка. – Ты знаешь, меня снимают на Тверской в этом наряде в ста процентов случаев, но у меня тест.

– А у меня тестостерон.

– Тогда поехали в морг!

– Гутен морген, ты патологоанатом?

– Да, испугался?!

– Я твой клиент, хирург! Ну и как вам все это, коллега?

Она еще отхлебнула и оценивающе посмотрела.

– Я хлебнула лишнего или ты и правда прекрасен?

– Я привлекателен, ты чертовски привлекательна, ну что, айда на сеновал!

Зазвонил телефон.

– Милый, ты не заблудился?

– Не успел.

– Ты не обидишься, если я заеду в офис, надо проибдировать немного, потом расскажешь, как у Булгакова!

– Хорошо!

– А поцеловать?

– Целую, любимая.

– Жена?

– Да.

– А ты не против, если мой муж на нас будет смотреть?

– Нет, не против. Я мечтаю посмотреть, как моя жена кончает с другим, и если я хочу получить это, надо доставить удовольствие по закону трансцендентальности еще кому-нибудь.

– А ты не против, если мой муж не только будет смотреть? – Ее зеленые глаза загорелись неукротимой энергией, она отхлебнула, взяла меня за руку и начала водить по прекрасной округлости своего бедра.

– Если в плане тебя, то как я могу быть против, это же супружеские обязанности. – У меня встал, она гладила меня по бедрам, потом остановилась, встала на цыпочки, и мы жарко поцеловались с языком, какие у нее восхитительные губы, бутылка была между нами как эстафетная палочка, мой член налился таким желанием и уперся в нее, видимо, не одна эстафетная палочка покоряла эти кисельные берега. Она оторвалась и передала бутылку мне, я отхлебнул.

– Он армянин, с таким. – И она показала мне русский фак

по локоть, даже с учетом небольшой длины ее локтя, это был размер самой большой рыбины, которую я поймал в жизни. Будем надеяться, что она рыбацкая, а судя по легкости бытия с ней, она тот еще рыбацкая.

– Я его любовью научила заниматься, теперь он мой, у меня бабочки. – И она засунула мою руку к себе на живот, где правда были громы и молнии.

Я еще отхлебнул, немного опешив, все стало на свои места, я все понял.

– Ты знаешь, я все понял, я люблю всю жизнь одну женщину – Алену Свиридову, я долго разбирался в ее мужьях, дала молодому украинцу, это нормально – молодость, круто. Негру дала – понимаю, экспириенс там и все такое. Почему народная артистка России дала Макаревичу, знаю – по пьяни, а теперь ты мне открыла глаза на армян.

– Ну что, ко мне?

– Послушай, у меня номер в «Гранд Марриотте» еще свободен до 12, пошли туда, а армянину просто предоставим отчет, все-таки мы еще не слишком хорошо знаем друг друга.

– Струсил! – И она опять поцеловала меня, взяла бутылку, отхлебнула. – Знаешь, твой «Гранд Марриотт» – это пошло, я все же не шлюха, я жена.

– Тогда пойдем к Булгакову, ты знаешь, я пробую писать и хожу по тем местам, где бродит писательская энергия.

– Круто, я тоже пишу.

– Дашь почитать?

– Конечно, протоколы вскрытия!

Мы шли по Тверской, я обнял ее за точеную талию, бутылка гуляла по нашим рукам, было очень легко, пока я не подумал о единстве противоположностей, бутылка была армянская и размером меньше, чем член мужа патологоанатома, как же в ней помещается огромная армянская штука. Она допила и выбросила бутылку в урну, да, женщины не думают о трансцендентальности, парадигме, либерализме, политике, славянофильстве, они пьют что в руки попадет, а когда источник заканчивается, выкидывается в урну и ищется новый, поэтому обижаться на женщину не надо, обижаясь на них, мы поднимаем членоприемник до своего уровня. Хотя если есть член, есть и приемник, ничего зря не бывает, везет все же бонобам.

– А у меня приятель есть, Самвэл, он просто друг. Я его в морг брала.

– Трахнуть?

– Ты что, как ты мог подумать, ему просто интересно, я говорю, есть любовники, есть муж, а есть друзья, а ему говорю, Самвэл, ты мой лучший друг, но я тебе не дам. А интересно смотреть, как у него стоит, я ему говорю, потрогай труп, а там женщина была еще молодая без окоченения, а у него стоит на меня, он потрогал, а у нее пошли сокращения мышечные, он испугался, схватил меня за руку, меня как будто током ударило, я поцеловала его и трахнула прямо там, он кончил в меня, потом еще, потом еще, у него такая

упругая елда с изгибом, он драл меня и драл без остановки, а член не опускается, я заподозрила неладное, а у него не опускается. Пришлось скорую вызывать, так его с приапизмом и положили.

– Излечили?

– Да, под наркозом.

– А что твой армянин?

– Он в тюрьме сидит уже второй год за убийство, я ему рассказала.

– Он что, Самвэла убил?

– Ты дурачок, хоть и ученый, после того как рассказала про Самвэла, он так меня припечатал, что я до сих пор вспоминаю, он же рогоносец и гордится этим, я ему рассказала, что мне нужна новая шуба, а он без работы сидел, только драл меня то один, то с любовниками, принес шубу на следующий день, а на позаследующий его взяли. В Мордовии сидит, езжу к нему. Так что можем зайти ко мне, правда, у меня брат двоюродный живет в соседней комнате, но он нам не помешает.

– Не, давай все-таки к Булгакову. – Все-таки есть во мне встроенный навигатор, и мы подошли к дому-музею.

Выглядело все очень мило, во дворике толпились молодые девушки, явно поклонники «Мастера и Маргариты», некоторые были с явно скучающими юношами.

СМС:

«Милый, дорогу нашел?? Как там Маргарита, летает? Я

очень скучаю и хочу скорей добраться до постели, давай сегодня только трахаться, а любимый??»

Ответное СМС:

«Да, любимая, дорогу осилит идущий, а Мастер и Маргарита – это академик с коктейлем)), люблю, целую».

Мы сели в автобус, который почему-то назвали трамваем 302БИС, милый экскурсовод вещал про первую жену высоким голосом, мы сосались на последнем сиденье.

– А полоумную Аннушку он списывал с соседки из нехорошей квартиры, к которой постоянно стучали любовники, часто они приходили к ней одновременно, часто стучали в комнату к Булгакову, на что он говорил: «занято».

– Ты знаешь, я однажды дежурил, и ко мне в дежурку постучались, я тоже сказал «занято», потому что чпокал медсестру, а оказалось, что у нарколога белочка, и он сиганул с третьего этажа.

– «Пьяный врач на радостях выпал из окна, водка не кончается, жаль, что жизнь одна».

Я залез в ее трусики, там было все мокро.

Я почему-то посмотрел в окно.

– Вообще, это место в Москве, у Патриарших, у Патриков сакрально, – продолжал высокий голос.

В окне у какого-то дома стоял Гребенщиков, пришел питаться сюда сакрумом, я помахал ему рукой на излете, он тоже меня узнал.

– У Патриков, может, это место сакрально, а у Митьков –

вот это. – И я положил ее руку на свой член, который достал из штанов.

Трамвай не был полон, фактически он был пуст, кроме двух-трех парочек и джентльмена в пальто.

Шел дождь, спасибо ему за этот даунслаг.

– Они обвенчались в 1913 году абсолютно счастливые, шутили с батюшкой, она была в юбке.

Патологоанатом, пользуясь преимуществами своего небольшого роста, нагнулась и начала обрабатывать его губами, а делала это знающе, теребя языком уздечку, а губы работали, как пылесос.

– Потом поехали на войну, где часто случались гангрены. Он пилил ноги, а она ему помогала, они очень уставали.

В глазах моих была такая бездна, горюх с высоким голосом смотрел на меня и охреневшим, а в его случае еще более высоким голосом:

– Там он встретил свою вторую жену, сестру милосердия, которая тоже помогала им пилить.

Моя анатомша поднялась и спросила горюха:

– А они пилили ноги со жгутом или без жгута?

Горюх еще более повысил голос:

– Они просто пилили вместе со второй женой-сестрой.

– Бедный, его бабы пилили, настоящий мужик, – сказал джентльмен в пальто на первом сиденье.

– Да, если мужика губит баба, значит, он настоящий, – сказал еще один одинокий мужик голосом судьи.

– Поэтому я всегда хотел быть Эмилем Кио, чтобы самому баб пилить! – сказал я громко на весь трамвай.

Все заржали, даже экскурсгоровод засмеялся и еще более высоким голосом продолжил:

– Никто не помнит, ходил ли трамвай по Патриаршим, те, кто читали «Мастера и Маргариту», считали, что ходил, а те, кто не читал, считали, что не ходил.

– А я не читала «Мастера и Маргариту».

– У тебя другие достоинства, ты Митьков слушаешь.

– Но если человек прочитывал «Мастера и Маргариту», то менял свое мнение и считал, что ходил.

– Видишь, ты можешь считать, что ходил, если прочтешь.

– Не, я не буду, мне не нравится, я пробовала, не понимаю, чего от него все тащатся, кот какой-то на трамвае, и вообще я считаю богохульством переделывать священное писание, еретик он, этот Булгаков, бесовщину разводит.

– Ну ты с Достоевским, видимо, путаешь, это у него «Бесы» есть про капитана Лебядкина, у меня сестра, когда беременная была, читала.

– А я когда беременная была, пыталась этого сраного «Мастера» читать, как раз до головы и дочитала. А потом бросила, слава Богу.

– Все жены Булгакова постоянно делали аборт, в том числе и Елена Сергеевна, у которой было двое детей и ко-

торая вышла потом замуж за председателя союза писателей Фадеева.

– И где твой ребенок?

– В могиле.

– Прости!

У меня все опало.

– Я никого не виню, я была замужем за богатеньким дядькой. Мы были тогда в Барселоне, сразу прилетели. Жила здесь в Козихинском, не работала, и пизда не чесалась, а потом сразу сбежала в монастырь и молилась там три месяца, никто не знал, где я, все телефоны выкинула.

– А Маргариту он писал с Елены Сергеевны.

СМС:

«Милый, я знаю, что дневной стояк не утренний, дождись вечернего, целую туда, туда».

Ответ СМС:

«Никакого стояка, мысли о бренности бытия, и я туда, туда».

И трамвай уже шел там, где не было рельсов,

Выходя напрямую к кольцу.

Мы вышли, было как-то гадковато, хмель начинал отходить.

Мы поднялись через статую кота наверх, эксгоровод не стал проверять билеты, он лишь попросил снять пальто.

К счастью, на втором этаже оказался бар, два по сто пятьдесят коньяка, я заплатил свою месячную зарплату врача перед увольнением.

Мы сели с коньяком совсем одни рядом, я по привычке что-то постоянно читать взял журнал, почему-то оказался «Караван Историй».

Это мой любимый журнал, перед первым приездом Марии в мою скромную нору я не убирал кухню, потому что одинокие мужчины кухню убирают, только если они педик и люди с мерзкой душонкой в восьми случаях из девяти, я не убрал комнату, в которой валялись книги везде – на подоконнике, на полу, на кресле, на столе, на ноуте, но поскольку я все же очень хотел секса с Машей, я сделал только один акт уборки – выкинул из сортира пятилетнюю подборку «Каравана Историй», потому что я знал – эта стильная, ухоженная, сексуальная леди не читает в сортире «Караван Историй», на худой конец только «Идеи Богатого Дома».

Этот номер я знал наизусть – про Елену Сергеевну, Булгакова, Фадеева, Макса Фадеева и Линду Маккартни и Фрунзика Мкртчана, опять армяне, подумал я.

Я открыл рекламную страницу, которая гласила: «Коньяк «Командирский» – собери волю в кулак». Коньяк оказался командирским с первых глотков, мы, лейтенанты запаса, собрали волю в кулак, а с последующими в кулачок. Все же права любимая, в туризме зарабатывают на допуслугах.

– А теперь пойдете в нехорошую квартиру, – сказал вы-

сокий голос.

Анатомша после 150 оживилась: – Пойдем сходим в хорошую квартиру. – Я не стал ее разубеждать.

Она вновь меня поцеловала:

– Ты знаешь, так долго и бестолково я ждала секса только один раз, когда вылет задерживали из Лиссабона, мне так понравился один молодой мулатик, тебе, кстати, сколько лет?

– 27.

– Тебя не смущает, что мне 46, я только на одни глаза трачу, – и она провела над бровями, – по пятьсот евро в месяц на мезотерапию, ты думаешь, выглядеть на 30 лет дешевое удовольствие? – И она подмигнула мне.

– Не думал, что патологоанатомы так зарабатывают, может, мне переучиться на патанатома, я даже один ваш диагноз знаю – патологоанатомически здоров.

– Будь здоров, для этого надо жениться на первом советском миллионере и дождаться его убийства бизнес-партнерами, давай еще по сто!

На этот раз мы выпили залпом!

– У меня заиграли в голове «цеппелины»! Это к добру.

– Я тоже люблю Роберта Планта, он же из «Дип Перпл».

– Неважно, пошли на флэт.

Мы бегом по дождю догоняли нашу группу, подъезд был разрисован, но без вдохновения, пэтэушники в моем совхозе разрисовывали туалеты более творчески, видимо, Собянин дал подряд на сайте госзакупок с техническим задани-

ем, нанесение предметов эклектической стилистики в подъезде, посвященном творчеству советского писателя Булгакова М.А. на фоне побед первых пятилеток, и электрификации всей страны, и мудрого руководства талантливого менеджера Сталина И.В., с помощью маркеров, а победил, как всегда, чей-то бесталанный племянник.

Долгая лестница, люди шли навстречу и вверх, как же мне нравится идти за ней, как же это круто – идти за красивой женщиной в развевающемся коротком наряде по ступеням, так можно не до бездны, до неба дойти, как барон Мюнхгаузен в фильме, только не ради понта, как Янковский – лишний человек Мюнхгаузен, а осмысленно, ведь зачем люди телепаются и кидают понты, с биологической точки зрения целесообразно только одно – создание и выращивание потомства, а все эти танцы с бубнами, весь этот секс только ради этого, для создания бесконечного числа комбинаций ДНК и РНК, и чем больше будет холостых заходов, тем больше чисто математически вероятность появления потомства, вот и все нехитрые Биологические Науки за любой год.

Восхитительные ноги, переходящие в восхитительные бедра и восхитительный зад, перешли на плато ко входу в квартиру №50, поднимаясь по последним ступеням. Взгляд с бедер переходил на жопу, с жопы на спину, со спины на плечи, но руки все равно потянулись к жопе, и я решил, что я ее чпокну, потом у входа сидела тетечка, и стоял экскурсгоровод, тетечка, обращаясь к гороводу:

– Вы только своих пропускайте, вы их помните?

– Я этих не забуду, – сказал он своим повышенным тихим голосом.

– А квартиру осматривайте сами, – напоследок огласил он своими высокими частотами.

Я держался за ее жопу, люди прошли навстречу, огромный котобегемот черного цвета стоял как сфинкс, стояк был качественным, коридор был достаточно длинным и пустым, слева была какая-то непонятная дверь, я затолкал ее туда, прикрыл дверь, было темно, на ощупь надел презик, она целовала мои губы, я поставил ее на какое-то корыто и вошел стоя спереди, не снимая ее трусиков, ничего не ощутил и начал толчки снизу вверх, сильно согнув ноги, я ходил туда и сюда и ничего не ощущал, но решил форсировать события, начал задыхаться, она кусала мое ухо, шепча, да, да, мне хорошо, я поверил ей, работая еще интенсивнее. Если бы хоть что-нибудь кроме резинки обнимало мой член, я бы кончил, но история «карандаш в стакане» не знает сослагательного наклонения, я начал толчки интенсивнее, уже понимая, что женщины не зря добились равенства прав, и мужчина тоже имеет право на симуляцию оргазма, мне уже не хватало воздуха, и я поставил многоточие вместо точки.

– Это восхитительно, – шепнул ей на ушко.

Анатомша делала вид, что она на прослушивании у Нирваны.

– Сначала я выйду, потом ты.

Она молчала в своем неглубоком внутреннем мире.

Я вышел, бабушка на входе сидела лицом к двери, в которой нарисовались очертания Марии, я буквально рванул ей навстречу, эксгоровода не было.

– Любимая, я так рад! Я знал, что ты меня заберешь, ведь надо выписываться из гостиницы, 11.57, поехали!

– Милый, а ты не сможешь съездить на моей машине сам?

Я поцеловал ее.

– Засранец, я так и знала, нализался. Телефон свой хоть не давал?

– Милая, у меня же принципы, пошли скорей, лучше потом вернемся и не будем осматривать все походя.

– Расскажешь, как ты тут развлекался, интересный музей?

При этом я обнимал ее за талию и незаметно подталкивал по ступеням вниз, талия была родной, она успела переодеться, французская блузка была расстегнута, показывая ее груди в красивом французском бюстгальтере.

– Музей интересный, но твои сисечки интереснее.

– Ты всегда так говоришь! Ну как, ты проникся творческой атмосферой, как тебе кабинет Булгакова?

– Проникся, кабинет так себе.

– А там внизу какой-то автобус, который зазывала называет трамваем.

– Да я покатался на нем, Гребенщикова видел.

– Что еще увидел?

– Больше ничего.

– Милый, ну ты мне ничего не рассказываешь, будто не хочешь мне рассказывать.

– Гребенщикова мало?

– Да ты как напьешься, тебе вечно кто-то мерещится, я уже начинаю думать, что Ян Андерсен – это твоя выдумка. Вот у нас Дапкунайте иногда приезжает гостить со своим по-настоящему, в отличие от тебя, прекрасным юношей, он постоянно ей что-то шепчет на ушко, и она смеется.

– Может, они репетируют счастье или симулируют оргазм.

– Ты не веришь в людей или симулируешь оргазм?

– И то и другое.

– А хороших людей больше, чем плохих!

– Плохих тоже немало, поэтому я предпочел бы не выяснять без нужды, хороший человек или плохой. Ведь по-разному бывает, кажется, вот хороший человек, прекрасный человек, а потом выясняется какой-нибудь недостаток, не пьет, курит, нервы мотает, хуй короткий, пизда широка, деньги мотает, срок отмотал, кота Бегемота за яйца тянет, просто все подряд за яйца тянет, поэтому на хуй. Да, я скучный.

– Но как ты можешь писать, не общаясь с людьми!

– Всего доброго, – сказал высокий голос экскурсовода.

– Спасибо, – сказал я.

– Какой симпатичный, – сказала Маша, – только немного игрушечный.

– Экскурсовод?

– Да. Грамотный?

– Очень, рассказывал про ликвидацию безграмотности и ног военнослужащих русской армии, очень знающий.

Маша припарковалась во дворе, чуть в стороне от трамвая.

– Откройте, пожалуйста, – сказал я напоследок всезнающему экскурсоводу, помахал ему рукой, и мы вновь стремительно въехали на круговое движение Садового кольца.

Я преобразился в душе «Гранд Марриотта», было весело. Снимать гондон, как и все в этой жизни, надо если не весело, то вовремя и без лишних сожалений, подумаешь, гондон, тем более холостой, конечно, было бы намного веселее, когда Машенька увидела мой орган подготовленным полностью – снимаю трусы, а там не только все в порядке, а уже и с гондоном, вспомнил пятницу, наверно, я родился в майке!

Ибо отношения – это труд, поэтому, мужик, трудись.

Я вышел, никого не только не трахнул по дороге, но даже никого и не встретил, кроме швейцара, тот не посмотрел даже на меня, я спокойненько прошел в вертящуюся бесплатную карусель проходной «Марриотта», спокойненько сел в Машенькину бэу на парковке, и солидненько так опять мы выехали на Тверскую и поцеловались.

– Чего так долго, любимый, как будто на свидание готовился!

– Так и есть, любимая, ведь же сказал поэт, с любимыми

не расставайтесь, ну и так далее.

– Послушай, я была у травника, и он мне прописал.

– А как же моя доля, любимая?

– Оплачено было только на мою, первую и третью.

– Что, маточный сбор и гормональный фон?

– Да откуда ты знаешь?

– Ну есть у меня одна теория по музыке.

– У тебя же нет музыкального образования, и при чем здесь трава?

– Ну, трава и музыка едины, такая музыкально-гинекологическая, знаешь, почему в англосаксонской музыке сильные доли вторая и четвертая? Потому что в менструальном цикле вторая доля – овуляция, а четвертой вообще нет.

– Милый, первый раз в вопросах мироздания я вынуждена согласиться – англосаксы в сто раз продуктивнее.

– Вот и я говорю, все эти песни под луной – только ради одного, прищипить зазнобу ради большой и чистой любви.

– Федя, ты будешь смотреть листок травника? Или разводиться свою грязную анимацию?

– Не торопись с листком, тем более на ходу читать вредно для глаз.

– Что не торопись, я хочу, чтобы ты позаботился обо мне!

– Любимая, ну скоро мы приедем, и я так о тебе позабочусь!

– Я здесь ни при чем, ты ведь вспоминаешь о сексе каждые пять минут!

– Кисонька, мы нашли друг друга, ведь ты о нем вообще не забываешь.

– Говоришь так же, как и пишешь, – срамно.

– Ну да, писать я начал благодаря Буковскому.

– Ну, то, что я читала у Буковского, по крайней мере, помягче, чем ты.

– Мне кажется, единственное, что ты знаешь о Буке, это отрывок, который читала Арбенина.

– Ну да, когда мы ходили на концерт, что-то про красного коня, который купается в неоновой реке вечности.

– Ну, до неоновой вечности красного коня главный герой пережил множество переживаний в пьяном виде, включающие в себя опорожнение кишечника, расставание с сожительницей, съем бляди и секс с ней, приготовление еды, мастурбацию в лифте, еще секс, нападение полицейского, еще секс, опять пьянку, и вновь соединение с сожительницей, и секс с ней.

– Я только не поняла, а со словом секс пять раз ты гро-тескнул? Вот еще секс, еще секс.

– А что?

– Я насчитала только три, включая мастурбацию в лифте.

– Ну знаешь...

– Я и говорю, Бук помягче будет...

– Я люблю тя! – И поцеловал ее в край губ.

И правда, что я к ней привязался, девушка в легко поднимающемся платье на коблах везет меня на лимузине к псев-

досупружеской радости. И главное, жениться не надо.

– Любимая, давай я лучше листок посмотрю!

– Ты же глаза испортишь!

– Не успею.

– Вон посмотри в сумочке.

Я быстро нашел подаренные мной на день рождения именные презервативы, обычные презервативы и еще кучу всякой женской дряни.

– А, извини, он в бардачке.

Она улыбнулась, у меня екнуло в груди, с сумочкой была явная провокация, но она достигла цели, сжатие сердца и предчувствие стояка. Я полез к ней, но она по-деловому чмокнула меня.

Я открыл листок.

Конечно, такое произведение надо подавать в чистом виде, кое-что было понятно напечатано, что-то написано от руки, но я буду подавать по мере захождения.

– 1 день ясная погода меньше 750 мм.рт 2 ст., пасмурные дни больше 750 мм рт. 3 ст. Плес...

Машина остановилась на светофоре.

– Любимая, ты не ошиблась? Это что, прогноз погоды на даче Медведева? Какая станция Плес?

– Федя, это не станция Плес, а сбор ПМС, и его надо принимать в ясную погоду 2 стакана, а в пасмурную 3, ты уловил

логику.

После простого и логичного объяснения все стало на место.

– Антиапоптоз (отстар) в ясную погоду 1 ст., в пасмурную 1,5.

Грибок (общукр) 1 ст. и 3 ст.

Сбитень согревающий под настроение, добавлять эликсир бодрости по 50 мл, пить на крутом кипятке в любой день для уменьшения тревоги или придания бодрости.

Крем щитофит наружу ежедневно!!!

Да, времена, раньше «Щит и Меч» внутрь, теперь щитофит наружу, хорошо что не щитофак.

– Опять, ну на самом деле, я не хотела, чтоб ты этот листочек смотрел, там есть другой, там написано какое-то лекарство, Камдын, что ли, его надо колоть, стоит как самолет, говорят, улучшает гормональный фон с помощью саморегуляции.

– Саморегуляция, конечно, улучшает гормональный фон! Только называется она ма-сту...

– Федя, ну что с тобой? Тебе как будто не давали вчера сколько возьмешь?

– Кымдан! Выравнивание гормонального фона, баланс эндокринной системы, Сев. Корея, оф. 506, – прочел я листок.

– Посмотри по интернету, прояви заботу, а я тебе щас такую историю расскажу, только я не хочу, чтобы эти истории явно попадали на твои страницы, если они приобретут ка-

кую-то известность.

– Я рад, что ты веришь в меня.

– Естественно, тогда зачем все это?

– Я не знаю зачем, вообще все бессмысленно, а писательство тем более.

– Если все бессмысленно, иди работать, займись бизнесом, делай карьеру!

– Единственная карьера, которую я могу сделать, это ебья интеллектуала!

– Ну ебья еще может быть, а интеллектуала вряд ли, хотя и ебья тоже вряд ли, по тебе вообще дурдом плачет, и что с тобой сегодня, неужели Булгаков так на тебя со своей нехорошей квартирой подействовал.

– Да была там одна интеллектуальная ебля с плясками!

– Федь, ты же всегда был против мозгоебли!

– Ну я и щас против, просто совпало, как герой, антигерой, протоиерей, Борис Гребенщиков и единство места действия – нехорошая квартира.

– Ну расскажи!

– Ты первая обещала!

– Ладно, как ты знаешь, у меня хорошая квартира.

– Интересно, мы туда доедем сегодня?

– Видишь сам – пробка, так вот, у меня хорошая квартира и хорошие соседи, так вот, к нам поселилась Копенкина с Шалапиным, и он, представляешь, поет ей арии под балконом, и знаешь, неплохо поет, а она выходит на балкон с

веером.

– Прости, давно тебе хотел сказать, этот Шаляпин у меня Ларку-то отбил, вел ее по одноклассникам, посылал ей смешные картинки, рассказы ей писал о запорожских казаках в запорожцах, а потом Первый канал и эти арии, ну, что ни делается, все к лучшему!

Кстати о писательстве, я пишу наброски, но у меня категорически нет сюжета, поэтому как ты думаешь, такой сюжет, пьеса, действующие лица мы с Ларой и Шаляпин, он поет арию, я выбегаю под балкон и...

– Федь, если нет способностей, тогда, может, работать?

– Нет уж, я еще выпью и, может, что-нибудь придумаю.

А как тебе такой сюжет, я, правда, его позаимствовал у «Денискиных рассказов»...

– Да у тебя все рассказы – живая шляпа!

– Нет я начал сны записывать, как Дениска-сын, и вот мне снится такой сон, поет, значит, Влад Сташевский на трамвайных рельсах, а к нему подходит...

– Прохор Шаляпин?

– Не, сначала Кай Метов, а уже потом Прохор Шаляпин, а потом Коля Басков с Бабкиной и Кадышева с Ветлицкой.

– И их переехал трамвай?

– Было бы неплохо, но Ветлицкую жалко. Нет, на самом деле они все спели «Шарманку» и пошли в рюмочную!

– Тебе лечиться надо от алкогольной зависимости!

– Может, я уже лечусь! А как думаешь, Макаревича к ним

добавить? Не, не буду. Он уже на фруктовом кефире. Да и Свиридову ему не прощу. Вот они приходят в рюмочную, и я говорю Ветлицкой...

– Федь, с сюжетами у тебя не задалось, ты прочитал про Кильдим?

– Про Кымдан уже прочел, ни в коем разе, северокорейское чудо, ты что, ПМС объелась? А что касается сюжета, я просто буду записывать наши диалоги и куда-нибудь приспособливать.

– Послушай, ну ты этого вообще не заслужил, пускай лучше трамвай всех переедет, и я вообще не понимаю, вот ты говоришь способности, ну какие у тебя способности, я хочу настоящего мужского плеча! Заботы!

– Тогда что, Кымдан колоть?!

Мы заржали, она поцеловала меня.

– Ладно, иногда ты можешь меня рассмешить, и я хочу ходить куда-нибудь с тобой, мне интересно твое мнение об искусстве.

– У меня есть только впечатление, мнение у искусствоведа.

– Тогда мне интересно твое впечатление по поводу одного писателя с летней студии «Маяка»!

– Мне интересно твое мнение о моем тексте.

– Твой текст очень сложен, если мы пишем бессмертные произведения для широкой публики, то слишком многозначно, сделай попроще, я теряюсь даже после авторских

разъяснений самого автора.

– Не буду отбирать хлеб у трилогии Марининой «Хлеб с ветчиной, вечность, взгляд», пусть останется как есть.

– Тогда кто твой читатель, кучка маргиналов, таких же как ты. Вы все собираетесь и аплодируете друг другу!

– Аплодируем, аплодируем, кончили аплодировать, один маргинал прислал мне идею привета от Венички Буковскому в виде белочки главного героя, но это космический уровень самого Венички, а я даже Энгельса не читал про способ существования белковых тел. Не то чтобы до белки самому допить.

– Твоя трусость проявляется во всем! Какой же ты писатель?

– Не знаю, критики расскажут! Так что с удовольствием покритикую твоего Маяковского, надеюсь, он единоросс, мне тут по секрету рассказали, что все ВГТРК написало заявление в партию в честь дня рождения самого...

– Замолчи!!

– А что писатель единоросс, сокращенно пидрос, пидрос – это такое слово из запрещенного украинского языка!

– Заткнись!

– У тебя что, машина прослушивается! Тебе Сноуден по секрету рассказал? Сноуден это голова!

– В Басманном суде не пришьешь, что ты Ильфа и Петрова перечитываешь в своем сортир-сортировочном каждое лето, скорее пойдет как отягчающее обстоятельство. Ты мо-

жешь срамно, но без политики.

– А что, придумаю какую-нибудь политическую срамоту, например...

– Милый, последнее севкор предупреждение, заткнись!

– Ладно, я шучу, конечно, покритикую твоего писателя, только что это значит? Критики считают Пелевина беллетристом, а Акунина писателем, и???

– И мы приехали, милый.

Ура, мы поднялись на лифте на последний этаж старинного московского дома, зашли в ее хорошую квартиру.

– Ну что, Федь, по душам?

– По душам Гоголь специалист, я пишу только о телах.

– Хорош бубнить, ты в нижний душ или в верхний?

– Я в средний, ладно, шучу, я же знаю, что в средний нельзя, я пока в окно посмотрю, приходи скорей, ты обещала мне глобус показать.

– Ты только как выпить думаешь?

– О душах к психиатру и Гоголю.

Она пошла в душ, я нашел заначенную бутылку все того же армянского, необходимо все-таки было приподнять боевой дух, тем более 40-летнего односолодового много не нальют, за старым деревянным комодом я нашел заначенную бутылку, начислил стакан, хлопнул его в два приема, потому что за глоток беру всего 100 грамм.

Что делать между армянским и шетлендским, попробовать записать умные мысли, я открыл свой ноут, он начал

грузиться, Виндоуз 8 сказала мне обождать обновления.

Маша вышла из душа, когда Виндоуз написал мне обновление 8,5, но в процентах, при нынешней-то инфлолеволивации.

– Смотри, наверное, Антон Долин нашел бы здесь что-нибудь символическое! – показал я на застывший голубой экран. Маша была в коротких шортах и очередной французской блузке. И чего я так напиваюсь все время с Машаней, ведь она красивая.

Она посмотрела на экран, улыбнулась и пошла к глобусу. Достала бутылку.

Я начислил нам по 50.

– Вот действительно благородный напиток, – сказал я, ничего не почувствовав после предыдущих дегустаций.

Вдруг запел зычный (бас):

– ЭЭХХХ ухнем, ЭЭЭЭххх ухнем!

Я посмотрел в окно. Прохор поет во дворе голосом Шалапина «ЭЭЭЭХХХХ УУУУхххххххнем», Лары нигде не видно, зато навстречу идет Дапкунайте с прекрасным юношей и смеется. ЭЭЭЭЭххххх, родимаяяаяя.

Мне стало плоховато, я, чтобы полегчало, это меня в студенчестве научили, начислил себе еще сто грамм армянского, и услышал голос Марии:

– Любимый, а давай на крышу полезай, а я за тобой.

Я залез на крышу, посмотрел на Кремль со звездами, на Москва-сити, на церковь, где Пушкин подписал себе смерт-

ный приговор, но обессмертил гены, дом-музей Гоголя, где он написал «Ревизора», мне ничего не понравилось, я услышал родное «Стилувей Бэйби, Стилувей».

Я подумал, что поскольку я творю под «Лед Зеппелин», а они начали играть вдохновенно в районе Арбата, то я пойду их послушаю, на крыше так же присутствовали кремлевские звезды и начали всходить небесные светила, что же, ведь летний день в России как гомосексуализм, явление быстрорастворимое, только Кремль не смогли разбомбить ни генерал Шапошников, ни даже Том Круз с Дапкунайте.

Марии нигде не было, крикнул, что «любимая, я быстро, до Арбата и обратно», взял деньги, хотел начислить еще армянского, но ничего не было, и я взял пустую бутылку с собой, чтобы скрыть следы выпитого, выкинул бутылку в урну, пошел в магаз в переулок, чтобы взять еще армянского.

День Армении в России не испортить 50 граммами односолодового, не могу же я пойти слушать «Лед Зеппелин» на Арбат не вдохновившись, мне еще писать.

Взял чекушку того же, как завещал дядя Миша, вышел на Никитский и пошел в сторону Арбата, а Хули Бэйби раздавалось все громче на всю ивановскую.

Я хлебал коньяк, опять девушки вид сзади, но уже двое. Маневр обгон не замедлил ждать.

– Хули Бэйби, – запел я громко, пытаюсь создать впечатление, как Шаляпин, на красоток, лиц их я разглядеть не мог. – Хули Бэйби, – пел я в такт музыке. – Девчонки, привет! Вы

такие красивые обе, сестры, что ли?

– Да, близнецы! – прибавляя шаг, сказали они вместе.

– А я пивец Ян Гиллан из «Лед Зеппелин», вот эту ЭЭЭ-ЭХХХХХ Дубинушка ухнем, – пропел я с жаром под ту же Хули Бэйби.

– Мы писателей больше любим! Про Козлецкого слышали?

– Какой Козлецкий?? У нас на Никитском бульваре только два писателя – я и ГОГОЛЬ!!

Они куда-то убежали, а мне было тяжело идти, зато материализовался Арбат.

Над переходом напротив «Праги» играет группа, хорошо играет, мощно, ROVER Цаппелинов, барабанщик с дредами, абсолютно сумасшедший, барабанит самозабвенно и неистово, я бросил сто рублей и протащился на миллион, вот бы обналичить, даже забыл отхлебнуть из своей чекушки, хотя там только дно прикрыто и было, музыканты ударили громами и молниями и закончили последним ударом дред-барабанщика, закурили самокрутки, я говорю гитаристу:

– Барабанщик у вас классный, абсолютно сумасшедший.

– Это я два раза в дурке лежал.

– От армии косил?

– Нет, от наркомании!

– Можно в парке Горького на «Маяк» попасть, там постоянно живые концерты, вас услышат.

– Нас и здесь хорошо слышно, а на «Маяк» мы и так ходим

каждый день, иногда через день, когда на два дня берем.

Подошел парень:

– А я из группы «Разные люди».

– Мы тоже не однойцевые близнецы.

– Мы легенды русского рока!

– А мы старого и нового Арбатов.

Подошел азиат.

– Пацаны, а «Батяня комбат» сбациаете?!

– Не, 11 часов, закругляемся, ребята.

И ребята начали заматывать шнуры, мне стало как-то грустно и весело одновременно, может, оттого что отхлебнул, а может, что мужик в картузе на гармошке наяривал «Вальс бостон». Я выкинул чекушку в урну.

Пошел по Арбату и сразу зашел в «КОЛЕСИКО» или «Елки-Палки» и взял из соотношения цена-качество простой деревенской «белой лошадки» 200, запил морсом, сел на лавку, открыл телефон, начал читать какой-то текст, меня как-то отвлекло, увлекло, было какое-то родное, но уж очень редакторско-постановочное, мне понравилось, как всегда, автор украл пару моих идей, просто я куда-то хотел вставить что-то из Карла Лоренца или Эриха Фромма, что-то, что нет ничего лучше, чем каждый день здороваться с тараканом в своей голове и нельзя ни в коем случае его предавать, потому что только он твой индивидуальный кокродж, а Маша говорит, не надо никого убивать, а автор живодег убил крысу руками кавказцев, а это ксенофобия, а нет, у нас щас один

народ, а враг борщевик, и если озвучивать эту версию, можно из Домжура сразу нырнуть в нефть.

– Девушка, а у меня есть сто рублей. А что еще можно выпить?

– Водки 50. – Ну вы же меня знаете! Нужен сюжет...

А что если такой сюжет: губернатор от имени президента борется с борщевиком! Нет, это же Рязанские ведомости, тогда борется с укропом. Не, не то, лучше кармические мутанты отражают атаки оборотней, да, точно, сплошные кармические мутанты, надо запомнить, записать куда-то, я же хочу писать... Выпил 50, надо записать телефон смсом, лучше позвоню, позвоню Машеньке.

– Привет, Машень!

– Какой привет в час ночи, и как? Ты же в черном списке?

– Маш, послушай! Послушай, я тебя рассмешу, у меня тут такая идея, укроп и борщевик – братья сквозь века.

– Я не собираюсь слушать твой пьяный бред, прощай и никогда больше не звони!

– Ты знаешь, я прочел Намайчного писателя, хорошо... Ты слушаешь меня?

Надо включить диктофон на всякий случай, если Машка не услышит.

Щас писателю хорошо, с диктофоном даже надежнее, чем девок по телефону просто так смешить, и думай, приедут они посмотреть на звезды в лесу или не приедут.

Точно, так ничего не упустишь, только почему я никогда

не могу разобрать свои диктофонные записи...

– В современной литературно-сценарной традиции прослеживается какая-то русскость, дуэль на русской водке до первых чертиков из-за бабы, не совсем понимаю, как можно хобби приспособливать для какой-то утилитарной бабы, ну можно было кидаться дротиками или драться томиками писателей-единороссов, и причем действительно мельчаем...

Если бы я выиграл... наверное, надо было драться на коньяке, на армянском, но дуэль была на водке, на спирте, разбавленном водой, это изобретение наших писателей, в принципе понятно, что если ты не Чехов... Чехов, то используешь различные допинги... допинги, поэтому трудно пробиться в союз писателей... экзамен... экзамен в союз писателей:

– Ну что, Федор Михайлович, ознакомились с вашими работами, да, считаем, что вы допущены к экзамену в алкоголь-маргинально-шутовскую группу авторов «Скоморохи России», но туда надо сдать вступительные испытания.

– Какие испытания, после 13 лет брака я готов стать, сдать, хоть кровь сдать...

– Нет, мы же СкМорРосы, а кровь проверят коллеги из ФСО.

– Что надо сдать, ЕГЭ по русскому?

– Зачем, есть Яндекс редактор! Итак, первое испытание: Звучит музыка из «Властелина Кольца» Кадышевой, приходит секретарша СкМорРосов в кокошнике с двумя лоба-

стыми стаканами кориандровой и секундомером, ты все понимаешь, вспоминаешь слова профессора своего: «Никогда не пренебрегайте завтраком, тем более в наше время, когда завтракать можно до 17, опоздайте лучше на 10 минут, у нас есть время опоздать и опоздать еще, но позавтракать!»

Секретарша кланяется в пояс, поднимается, экзаменатор кивает, я набираю воздух, беру из нежных рук протянутый зачем-то секундомер и глотаю его, для площадочки наверное – стакан, щелчок секундомера, опрокидываю стакан в два глотка, беру следующий, пью уже мелкими глотками, уже под сенью, вытираюсь рукавом. Внутри запела свирель, какие же все они милые, а секретарша вся с большими сиськами в белом платье с цилиндрическим кокошником просто красавица, как бы ее чпокнуть, лишь бы сдать, а там уж... как-нибудь.

– Федор Михайлович, вы прошли первое испытание с гроссмейстерским результатом 30 секунд при норме в два часа, ну что же, начнем второе испытание, по плану собеседование о роли русской литературы должно было идти под кориандровую в течение двух часов, а только потом индивидуальные тесты, ну что ж...

В желудке подкатила какая-то резкая волна спазмов, я пытался бороться, но бесполезно, неужели провал, неужели опять двойка, и это не внеочередные сиськи, почему-то выворачивало наизнанку с головы до пят, но я пытался удержаться, толчки, толчки, спазмы, оборона эзофагеально-же-

лудочного сфинктера сдалась, все пошло вверх, я пытался приструнить стихию, заставить улечься ее обратно в желудок, что меня не возьмут в писатели из-за этого чертового рвотного рефлекса, значит, я не прошел второе же испытание о роли русской литературы, значит, я лишний человек, а писателями становятся только право имеющие, неблюющие тонкие натуры, все мое нутро залезло в рот, я пытался проглотить его обратно.

– Все мы находимся в тени Льва, именно под этим знаком зодиака.

Я хотел сказать:

– Нет!!!! – но жижя моих внутренностей потекла наружу, рядом почему-то стоял таз, и я прицельно туда выложил. Не сдал, уже с облегчением подумал я.

Почему-то рядом с тазами, как у меня, сидели барабанщик, гитарист, эксгоровод, судья, патологоанатомша, человек в картузе, азиат, – а экзаменатор все бубнил:

– В толстой высокодуховной книге выдающегося литератора из группы духовых ударников П. Бесинского «Под сенью знака Льва» читаем знаменитое «Письмо к сыну» графа Л.Н. Толстого: «Питие водки и игра на гармонии не имеют никакого отношения к творчеству!» Тут дружно ударили литавры оркестра Кадышевой.

И мы дружно блевнули всем хором, точнее всем хорро-ром.